

Светлана Синицкая по профессии журналист. Работала в «Пионерской правде», «Учительской газете», «Казахстанской правде», выпускала газету для женщин «Жума – Пятница». Состояла в Совете по делам женщин и демографической политике при Президенте РК. Стихи пишет с юности, но на выпуск поэтического сборника пока не отважилась. Зато доверяет читателям «Простора», подтверждением чему служит новая подборка её стихов.

Светлана СИНИЦКАЯ

СКОЛЬКО В МИРЕ НЕОБЪЯТНОМ ДРАГОЦЕННОЙ ПРОСТОТЫ...

Зимний пейзаж

Художнику Алексею Уткину

Я в эту картину войду,
Отбросив ненужную раму,
Возникнув свободно и прямо
В далёком счастливом году.

Там снег, как весёлый барбос
В белейшей взлохмаченной шкуре,
Деревья макушки согнули,
Прижавшись к друг другу внахлест.

Гостиница томной княжной
Плывёт на ладонях тумана,
Сияет без тени изъяна
Кокошник её золотой.

Огней мандариновый рай
Висит над полночным проспектом,
Помчусь, задыхаясь от ветра,
Туда, где дворец и Абай.

Но рама встаёт на пути
И холст выпрямляет упруго,
Процедит: куда ты, подруга,
Тебе меня не обойти...

* * *

На арфе девочка играла,
Под крышей прячась от дождя,
Над нею небо грохотало,
Грозу за рощу уводя.

Серdito ветер куролесил,
Зонты в лохмотья разрывал,
И только арфу занавесив,
Неясно как оберегал.

Хоть с деки капельки свисали,
По струнам медленно скользя,
Они Шопену не мешали,
Ему противиться нельзя.

Он плыл над мокрым тротуаром,
В проёмы форточек влетал
И, прозвенев хрустальным шаром,
От пешеходов исчезал.

В корзинку звякали монеты,
Мерца тусклым серебром,
Пускай Шопен не даст совета
И боль не снимет под ребром,

Но чёлка падает упрямо
На влажность девичьего лба,
И всё равно, что скажет мама,
Когда за струнами – судьба...

* * *

И во сне, и наяву
Я на острове живу,
От большой земли вдали
Режут море корабли.

Я по берегу брожу
И ракушки нахожу,
От напористого ветра
Камышиночкой дрожу.

Рядом чайки тарахтят,
Видно, что-нибудь хотят,
И на мой кусок батона,
Словно ведьмы, налетят.

Целый день до темноты
Проживу без суеты,
Сколько в мире необъятном
Драгоценной простоты...

Краковский этюд

Ну как мне стать шляхетной пани
И память предков оживить,
Изящно цокать каблучками,
Кольцо фамильное носить!

И, перекинув шарф небрежно,
Что элегантности сродни,
Проворковать кому-то нежно:
«Пше прашам», то есть «извини».

Медоточивость польской речи
В себя по капельке цедя,
Спешу к Мицкевичу навстречу,
Старинной улицей пройдя.

Не притворяясь изваяньем,
Тряхнув мятежной головой,
Адам промолвит: «Проше, пани,
Для вас, коханна, я живой».

И, чтоб его поверить слову
И отвести ладонь со лба,
Вдруг с Марианского костёла
Споет бессмертная труба.

Мне от судьбы не отвертеться,
И выбор, право, небольшой...
Живу на свете с польским сердцем
И с азиатскою душой.

* * *

Крутит над улицей мартовский ветер,
Это весна поселилась на свете,
Бродит в берёзах очнувшийся сок,
Леший достал с чердака туесок.

Льдина скучает под зыбкой водицей,
Что-то шальное под утро мне снится...
Бабка подснежники прячет в горсти,
Ты уж её, полицейский, прости

И не выписывай штраф бедолаге,
Ей не под силу такие напряды,
Да и какой для природы урон,
Не оскудеет подтаявший склон.

К ночи коты заведут перепалку,
Их шугануть бы, да всё-таки жалко,
Каждому надо немножко любви,
Ты ни себя, ни котов не суди...

Маленькая молитва

Ангел по небу летает,
Мягко крыльями шуршит,
То ли что-то обещает,
То ли чутко сторожит.

Мне чудес твоих не надо –
Далеко не улетай!
Просто будь со мною рядом
И на краешке спасай!

Просто будь со мною рядом,
Там, где правое плечо,
И в душе моей порядок
Обнаружится ещё.

Ангел милый, ангел славный,
Неземная благодать,
Я другой уже не стану,
Даже нечего гадать.

Не суди меня ты строго,
А спустишь ко мне в жилье,
Как моя частица Бога,
Отражение моё.

То ли к аду, то ли к раю
Мы приписаны судьбой...
Ничего о том не зная,
Я шагаю за тобой.

Память

Мои осенние аллеи
Костром отчаянным горели.
Листва подошвы грела жарко,
Я шла по ней, как нестинарка.

Тянуло дымом из предместий,
Ещё не зная горькой вести,
Душа в потёмках затаилась,
Но невозможное случилось.

Пусть всё останется, как было,
Куда бы жизнь ни заносила,
И только чаще станут сниться
Судьбой дарованные лица...

* * *

Григорию Дильдяеву

Велел хозяин без него начать,
Поскольку всё равно неподалёку,
Благословил и выпить, и вкушать
Хозяйкой приготовленное к сроку.

Над стулом опустевшим два крыла
И тихий говорок перед застольем,
Его душа спуститься к нам смогла,
Где дом и сад наполнены любовью.

Откуда не ушли его шаги,
Газетный шорох, клавиш перестуки
Полуночной компьютерной строки,
Где места нет унынию и скуке.

Да будет так – отныне и всегда!
Судьба не растворяется бесследно,
Зажглась на небе новая звезда,
Мерцает нам – и преданным,
и верным...

* * *

Подари мне, сирень, благодать,
Дай наивной побольше «пятёрки»,
Буду их с упоением жевать,
Добывая из узеньких норок.

Я поверю в её волшебство,
Даже если возьмёт и обманет,
Сотворивши своё озорство,
Загрустит и покорно завянет.

Но увижу, как будто во сне,
Как в предутренней сладкой дремоте,
Ты опять улыбаешься мне
И рисуешь чертёнка в блокноте.

Что-то шепчешь мне сквозь облака
И в сиреновой дымке вечерней
Ветерком пролетишь у виска,
Обнадёжив грядущим спасеньем.

И воспрянет увядшая кисть,
Полыхнувши лиловым пожаром,
Я услышу – живи и держись,
Потому что всё было не даром.

Чемодан

В доме пусто и темно,
Занавешены окошки,
Телефон молчит давно,
Ни собаки нет, ни кошки...

Там хозяйкой тишина
Усмиряет половицы,
Ей доверилась стена,
Где на фото зябнут лица.

Слабый лучик фонаря
На подушку к изголовью
Прилетит, да только зря,
И никто его не словит...

В тёплой не сожмёт горсти
И щекой не приголубит,
Не старайся и прости,
Нынче этого не будет...

Но однажды хлопнет дверь
И, унынье разрывая,
Чемодан влетит, как зверь,
На пороге громыхая.

Не случится ничего,
Мир не дрогнет в изумленье,
Но откроется окно
И строка стихотворенья...

